

В чем же представляется нам актуальность данной проблемы на современном уровне задач литературоведческой науки?

Прежде всего обозначившееся за последнее время необычайное расширение внелитературного материала, вовлекаемого в круг анализа литературных явлений, смешало наши представления о границах задач литературоведческой науки. Это связано отчасти со своеобразной экспансией в литературоведение методов культурологии. Новейшие культурологические разыскания строятся порой на вполне очевидной, хотя и не всегда заметной подмене литературоведческой проблематики решением совершенно особых задач, уводящих исследователя от понимания эстетической природы литературы и ее связи с идеологией. В результате этого утрачивается ясность понимания самого предмета литературоведения.

С другой стороны, возникшие в последние десятилетия представления о некоей ущербности традиционных методов литературоведческого анализа создали ситуацию своеобразного теоретического вакуума и, как следствие, методологической аморфности. Анализ литературных явлений в их социальной обусловленности перестал удовлетворять некоторых литературоведов. Выход из положения пытаются найти в актуализации методов герменевтического анализа текстов или в конструировании культурных топосов. Если первому отводится приоритет в объяснении анализа отдельных произведений, то второе призвано обозначить контуры опорных звеньев культурной преемственности. При этом отдельным атрибутам культурного сознания придается значение чуть ли не основополагающих элементов в формировании историко-культурного контекста эпохи, хотя критерии выделения таких атрибутов носят чаще всего субъективный, если не сказать случайный, характер. Неудивительно поэтому, что обращение к исследованию исторических закономерностей литературного развития приравняется к занятиям «плоским эволюционизмом».

К чему приводит подобный отказ от так называемых «традиционных» методов? Объективно эти новации приводят к размыванию наших представлений о специфике предмета литературы XVIII в., а вместе с этим утрачивается понимание действительных границ литературы данной эпохи и факторов, определявших ее развитие. Наглядный пример методологической аморфности в установлении периодов развития литературы XVIII в. дает нам первый том 4-томного академического издания «Истории русской литературы» (Л., 1980), в котором литература 1-й четверти XVIII в. почему-то оказалась отнесена к древнерусскому периоду, а отсчет развития литературы нового времени предлагается вести от 1730-х гг., т. е. от А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского. Это, конечно, досадное недоразумение, вызывавшее, кстати, критические отклики при обсуждении данного издания в вузах страны. Но отмеченный факт по-своему симптоматичен. Он свидетельствует об известном методологическом застое в нашей науке, ибо вольно или невольно сложившееся положение возвращает наше литературоведение к концепции историко-литературного